

Иероним Ясинский

Граф

Иероним Иеронимович Ясинский

Граф

«Табачный торговец, Павел Осипович Перушкин, сидел в своей лавке и с нетерпением смотрел на улицу сквозь большое сплошное стекло единственного окна. С утра непрерывный дождь кропил улицу, и мимо лавочки промелькнуло несколько сотен мокрых зонтиков. От времени до времени гремел колокольчик на дверях магазина, входил покупатель и, подождав, пока утомонится колокольчик, спрашивал десяток папирос или коробку спичек. Торговля шла как обыкновенно, но время тянулось как-то особенно долго. Перушкин готов был закрыть магазин, чтобы сократить этот несносный долгий день. Однако инстинкт торговца брал верх, и Павел Осипович ждал срока, когда на смену явится его брат и освободит его...»

Иероним Ясинский

Граф

Табачный торговец, Павел Осипович Перушкин, сидел в своей лавке и с нетерпением смотрел на улицу сквозь большое сплошное стекло единственного окна. С утра непрерывный дождь кропил улицу, и мимо лавочки промелькнуло несколько сотен мокрых зонтиков. От времени до времени гремел колокольчик на дверях магазина, входил покупатель и, подождав, пока угомонится колокольчик, спрашивал десяток папирос или коробку спичек. Торговля шла как обыкновенно, но время тянулось как-то особенно долго. Перушкин готов был закрыть магазин, чтобы сократить этот несносный долгий день. Однако инстинкт торговца брал верх, и Павел Осипович ждал срока, когда на смену явится его брат и освободит его.

С ним уже около шести лет знаком молодой человек, проживающий в том же доме, где помещается табачная лавочка, и носящий громкую фамилию Румянцева. Неизвестно, принадлежал ли молодой человек к славному роду и находился ли в каком-нибудь родстве с графом Румянцевым-Задунайским[1], но до-

стоверно, что он не именовался графом и вдобавок был очень не богат. Он занимал меблированную комнату в «тихом и благородном семействе» и числился на службе в каком-то департаменте. Чуть не каждый день заходил он в лавочку Перушкина за папиросами, за почтовой бумагой, за марками. Румянцев постоянно был в долгу у Перушкина, но сообразительный торговец рассуждал, так: «Положим, первые десять рублей, которые задолжал мне г. Румянцев, пропали, но я зато держу его на привязи. За шесть лет он дал мне торговли, по крайней мере, на шестьсот рублей, то есть я имел с него чистой прибыли рублей двести. Кто должен, тот постоянный покупатель». Кроме того, Павла Осиповича связывала с Румянцевым их сравнительная молодость, и было время, когда в табачной лавочке происходили у Румянцева свидания с одной молоденькой швеей. В табачную же лавочку получались на имя Румянцева письма, тайну которых ему хотелось скрыть от «тихого и благородного семейства».

Когда Румянцев приходил в лавочку, Перушкин торопливо подставлял ему стул и, ви-

димом, гордился знакомством с таким человеком. Во многих отношениях он подражал Румянцеву – носил такие же галстуки, так же брил бороду и причесывался, и, заметив, что Румянцев курит только папиросы Бостанжогло, он сам почувствовал к ним влечение. Два или три он встречался с Румянцевым на островах, и они вместе пили пиво. Чтобы возвысить в своих собственных глазах цену знакомства с Румянцевым, Перушкин, упоминая о нем в разговоре с кем-нибудь, называл его графом.

Теперь, сидя в лавочке, он с нетерпением ждал, когда ему можно будет отправиться с визитом к Румянцеву и попросить об одном чрезвычайно важном одолжении. Наконец с досадной медленностью пробило пять часов, и минуты, на которые опоздал брат Перушкина, Кирюша, показались вечностью. Но и Кирюша пришел. Тогда, побранив брата, Павел Осипович надел свой новенький цилиндр и драповое пальто и вышел на улицу, распустив зонтик.

Румянцев только что вернулся со службы, едва успел пообедать и лежал на диване, за-

кинув ноги на спинку. Тоска или, вернее, скука грызла молодого человека. У него не было ни копейки денег, нечего было читать, никуда не хотелось идти, а впереди предстоял целый ряд таких же безобразно-скучных дней вплоть до получения жалованья. Деньги на несколько минут оживят его. Он, вероятно, пойдет в клуб, будет играть в мушку, будет любезничать с клубными барышнями, прокатит их на лихаче, угостит ужином в отдельном кабинете, а затем снова погрузится в ленивое и пустое ожидание следующего двадцатого числа. В бесконечной перспективе двадцатых чисел тускло сияла ему надежда на повышение, на изменение обстоятельств к лучшему, – может быть, на счастливый брак, который принесет ему, вместе с красотой жены, деньги и протекцию. А пока он лежал на диване, приняв самую неудобную позу, потому что она все-таки вносила некоторое разнообразие в его бесцветную жизнь.

Павел Осипович вежливо постучал в дверь номера и, на крик: «Войдите», – показался во всем блеске своей модной визитной пары.

«Чего еще надо этому ослу?» – подумал Ру-

мянцев, вспомнив, что он должен в табачную лавочку.

– А! – с принужденной любезностью протянул он. – Здравствуйте, милейший! Как ваше здоровье? – Он приподнялся и пошел навстречу гостю.

– Мое здоровье – слава богу! – отвечал Перушкин, – слава богу, я здоров вообще и в частности. Я очень даже здоров, Петр Гаврилыч! – со смехом заключил он свою речь и пожал Румянцеву руку.

– Садитесь, что скажете? Что новенького?

Перушкин сел на кончик стула и, осмотревшись кругом, сделал таинственное лицо.

«Так и есть, пришел за деньгами!» – сообразил Румянцев и решил вести себя с достоинством, т. е. солгать, что деньги у него будут на днях, и, кажется, довольно большие деньги.

– Новенького очень много. Во-первых, Петр Гаврилыч, как вы находите на мне эту пару? – спросил Перушкин и встал, поворачиваясь.

Румянцев критически посмотрел на табачного торговца.

– Да вы – франт, мой дорогой! Пара недурна! Точно такая же пара была у меня. «И пропала в ломбарде», – мысленно dokonчил он.

– Шестьдесят рублей заплатил, – сказал Павел Осипович, – да пятьдесят за пальто, да девять за цилиндр, дюжину белья купил, да вот сапоги из самого лучшего бельгийского товара, да сегодня принесут фрак от Корпуса... Издержался, но не жалею!

– Значит, торговля процветает?

– Получен свежий табак от Костанжогло. Не хотите ли, пришлю фунтик?

– Пришлите, только имейте в виду...

– О, помилуйте! – прервал его Перушкин.

– Благодарю вас. А что ж еще новенького?

Перушкин опять сделал таинственное лицо.

– Говорю вам, что много новенького! Чересчур много новенького. Женюсь! – проговорил он и радостно рассмеялся.

– А, поздравляю!

Перушкин протянул Румянцеву обе руки и долго тряс его руку.

– Это такое для меня счастье... Так много! Только теперь вполне начинается... Петр Гав-

рилыч, будьте сочувственны!.. Петр Гаврилыч, позвольте надеяться, что счастье всей моей жизни будет зависеть от вашего согласия!

– Да помилуйте, что вы, милейший? Разве я могу запретить!

– Нет, Петр Гаврилыч, я от избытка волнения... Вследствие отсутствия блестящего образования... Прошу вас об одном – сделать мне честь... Так как свадьба моя послезавтра, и в этом же доме, в пустой квартире по парадной лестнице...

– Хотите, чтобы я был у вас на свадьбе? Хорошо. Я с удовольствием.

– Граф!

– Оставьте титулы. Я не имею права называться графом.

Перушкин безмолвно, с чувством, сжал еще раз руку Петра Гавриловича.

– На ком же вы женитесь?

– На барышне... Пятьсот рублей положил издержать на удовлетворение!

– А много приданого берете?

– Я по моде девятнадцатого века!

– Ну, в девятнадцатом веке, кажется, день-

ги играют главную роль. А что ж, невеста, должно быть, хороша?

– Божество! – Перушкин счастливыми глазами посмотрел на Петра Гавриловича и долго распространялся в похвалах ее наружности.

– Счастливый вы человек, – сказал Румянцев. – От вас так и брызжет счастьем.

– Невинные шалости юного возраста! – вскричал Перушкин. – Я уверен, что и вы теперь женитесь. Вам, граф, скоро тридцать лет.

Так как Перушкину во что бы ни стало хотелось называть его графом, то молодой человек не возразил на этот раз ничего. Его это забавляло.

– Непременно, непременно, почтеннейший, буду у вас! А что касается моей женитьбы, то нет, должно быть, я никогда не женюсь. В Петербурге нет невест.

– Что вы, Петр Гаврилович? Да что с вами? Да неужели вы разочаровались? Помилуйте, в Петербурге невест сколько угодно!

– Женщин, но не жен! – с некоторою мрачностью проговорил Румянцев фразу, которую он вычитал сегодня утром в департаменте,

пробегая фельетон.

– Нет, обидно даже слушать! – со смехом произнес Перушкин. – Вы нашу армию, граф, обижаете!

– Да, вот женитесь – другое, голубчик, запоете, – произнес Румянцев, и, спохватившись, что его слова заключают в себе не совсем деликатный намек, он заключил: – А впрочем, бывают исключения. Никто не выигрывает двухсот тысяч, но, однако, счастливцы выигрывают!

– Вы женитесь, Петр Гаврилович, на красавице и возьмете каменный дом. Уж обязательно! Позвольте мне быть пророком истины! – понизив голос, он прибавил: – Дуня об вас спрашивала.

– А, надоела мне Дуня!

– В шляпке с пером и в таком пальто, что черт меня побери! Ей-богу!

– Значит, устроилась... очень рад!

Перекинувшись еще несколькими словечками с графом, Перушкин встал с места и начал прощаться.

– Так уж надеюсь!

– Да не беспокойтесь, приду.

– Так уж я буду вполне уверен и счастлив вашим согласием, граф.

– Да ведь сказал я вам.

– Так уж будьте так любезны. Если бы, например, к венцу!

– Да, может быть, и к венцу.

Гость наконец ушел, раскланиваясь с утонченно вежливыми вывертами, с эластичским раскачиванием всего туловища, улыбаясь чуть не до ушей.

«Ах, какой скучный болван», – подумал Петр Гаврилович, опять забираясь на диван.

«Прелюбезный и преобходительный граф», – думал между тем Перушкин, надевая на лестнице свой цилиндр.

II

На третий день, в назначенное время, Румянцев облекся в свежее белье и во фрак, но раздумал ехать в церковь, тем более что на улице встретил хорошенькую девушку и у него явилось занятие – он проследил, где она живет, разумеется, с тем, чтобы через минуту совершенно забыть о ней. Было уже девять часов, когда Румянцев поднялся по парадной лестнице в квартиру, где справлялся свадеб-

ный пир. Лестница была ярко освещена; швейцар вместе со швейцарихой снимал внизу пальто и шубы, так как многие гости из торговцев явились на бал в мехах, воспользовавшись легким заморозком.

– Сюда-с, пожалуйста-с! – закричал Кирюша, брат Перушкина, увидев сверху Румянцева и сбегая к нему. Кирюша был неестественно напыщен. Жилет на нем был открытый, с огромным вырезом, но, должно быть, не его, а брата. Да и фрак был с чужого плеча. Кирюша казался поэтому внезапно отощавшим и похудевшим человечком. Размахивая руками, широко шагая через одну ступеньку и оглядываясь на Румянцева, он мчался впереди. Клубы табачного дыма носились на верхней площадке лестницы. Гостей было уже много, и слышался шум их голосов.

– Сюда-с, сюда-с! Осторожнее-с! – вскричал Кирюша, теряя равновесие и падая на площадку. В передней встретил Румянцева купец из Апраксина рынка, посаженный отец Перушкина, и низко ему поклонился.

– Большую честь вы сделали нам, ваше сиятельство! – промолвил он, и Румянцев по-

краснел, не имея силы воли отречься от графства.

– Граф приехал! Граф! Граф! – услышал он сдержанный говор вокруг себя. Посмотреть на графа поспешили в переднюю разные приказчики и дамы с такими лицами, которые Петр Гаврилович обыкновенно называл «мордимондиями». Приказчики и мордимондии приветливо улыбались ему и кланялись. Он вошел в залу. К нему подлетел, держа руки фертом, господин лет тридцати пяти с густыми завитыми волосами и в усах.

– Ваше сиятельство! – проговорил он сладко и услужливо.

Так парикмахер Петра Гавриловича произносит: «Прикажете постричь?» И точно, взглянув на него, Румянцев узнал в нем monsieur Жоржа, который всегда его стриг и был на самом деле не Жоржем, а Егором, но взял себе французский псевдоним с тех пор, как открыл мастерскую. У Жоржа в петлице фрака красовался белый букет – он был шафером. Вслед за Жоржем подошел почтенный человек с большим сизым носом, в смятой манишке. Медные запонки выпали из петель

манишки и держались только на ниточке, оставляя на полотне черный след.

– Ах, мы вас, граф, очень ждем, – шепелявя, заговорил господин с сизым носом; он оказался родственником невесты и ее посаженным отцом. Молодые люди с такими же напомаженными волосами, как Кирюша, и с букетами в петлицах фраков засустились около Румянцева. Все представлялись ему, кланялись, стремились пожать ему руку. Наконец, его подвели к молодым, которые сидели рядом на почетном месте, за большим столом. Весь стол был заставлен разными закусками – икрой, сыром, колбасами, копчеными селедками, семгой, вареньем, фруктами и бутылками с вином, пивом и водкой.

Молодые приподнялись навстречу «графу». Павел Осипович был украшен такой золотой цепью, что сразу являлось сомнение в ее ценности. Но она блестела, как золотая, и походила на кольчугу. Модный воротничок так сжимал шею Павла Осиповича, что казалось, будто его собираются удавить. Он весь был затянут; можно было подумать, что он в корсете. Его, очевидно, стесняли тугая рубаш-

ка, фрак и самое положение как новобрачно-го. Он был бледен и смотрел на все, даже на Румянцева, с тупым удивлением. Петр Гаврилович в другом месте не узнал бы его, потому что Перушкин нафабрил и поставил стрелкой усы, а его обыкновенно прямые, грязно-желтые волосы были до смешного мелко завиты. Чокаясь со всеми, он уже порядком охмелел и находился в удрученном состоянии.

– Честь... Вполне честь! Граф, я тронут! Я благорасположен! – пробормотал он, указав левой рукой, затянутой в белую лайковую перчатку, на жену.

И новобрачная тоже напоминала собою восковую куклу из анатомического музея. Она с торжественно-любезною улыбкою протянула Петру Гавриловичу руку. Из-под белой фаты смотрело маленькое, уже увядшее лицо, которое едва ли было даже когда-нибудь красиво, а глаза выражали скорее испуг, чем счастье. Кирюша подал на подносе бутылку шампанского, и Петр Гаврилович должен был выпить за здоровье новобрачных. Но едва он взял бокал, как вся зала гаркнула:

– Горько!

Молодые повернули друг к другу свои бледные лица и, улыбаясь не то деревянной, не то счастливой улыбкой, поцеловались.

Было страшно накурено; сквозь дым мигали огни керосиновых ламп и свечей. Петру Гавриловичу указали за столом заранее приготовленное ему место, где стояла посуда с золотыми ободками; у других гостей она была простая.

«Я играю роль генерала на этой свадьбе! – подумал Петр Гаврилович. – Вот зачем Павел Осипович произвел меня в графы! C'est drole [2]», – чуть не произнес он вслух по-французски, входя в роль аристократа, у которого даже мысли французские, а не русские. Он видел вокруг себя множество незнакомых мужчин и женщин. Они пили и ели, улыбались, хохотали, и слышались разговоры, состоявшие из отрывочных фраз.

– Уважь.

– Антип Петрович!

– Уважь, родной!

– Антип Петрович, ты в своем ли уме?

– Уважь, говорю тебе, уважь! Или:

– Воистину говорю тебе, хорош ты человек.

– Дядя, а ты чем худ?

– Нет, ты выслушай меня: хорош ты человек!

– Дядя!

– Ха-арош, очень даже ха-арош человек.

И так далее.

«Так вот оно, счастье Павла Осиповича! – думал Румянцев, попивая шампанское, которое было подано только некоторым гостям, а другие довольствовались пивом. – Ах, осел. Бесприданница и дурна, как смертный грех! Да и все здесь хороши. Не свадьба, а шабаш ведьм. Quelles[3] мордимон!» – заключил он свои думы, опять входя в роль графа.

Времени с начала пира прошло немного, но все уж были «в градусе». Может быть, они притворялись пьяными, чтобы сделать удовольствие хозяевам. Совершался какой-то неискренний, шумный обряд, и уже Петр Гаврилович стал подумывать, как бы незаметно улизнуть. Однако на него были устремлены все глаза; его поминутно угощали то тем, то другим, и уйти он не мог. Он пробовал заговаривать с молодыми. Пока он говорил, кругом затихала беседа, потому что его особа внуша-

ла всем почтение. Но в ответ он слышал бормотание Перушкина, понять которое было выше его сил, а новобрачная только потупляла глаза и улыбалась. Он замолчал. Тогда, чтоб занять его, подошла, к нему худая, как скелет, старуха с большими впалыми глазами и в длинной старинной шали.

– Что вы, граф, как будто скучаете? – начала она.

– Нет, я ничего... я всегда такой.

– Ах, как можно скучать в ваши годы! Вот мне можно скучать и должно. Мое время ушло. Еще пока жила я для Леночки, жизнь моя имела цель. А теперь, позвольте вас спросить, граф, что мне делать?

– Что же, ваша дочь умерла? – спросил Румянцев.

– Господь с вами, зачем умерла, граф? Она вышла замуж за Павла Осиповича.

– Ах, я не знал. Душевно рад!

– Да, рассталась я с дочерью. Нет, вы, пожалуйста, граф, не судите строго... Теперь она взволнована и, правда, нет в ней живости, но когда разойдется, она – душа общества. Леночка у меня образованная. У нее гувернант-

ка была. Прежде, граф, у нас другие недостатки были. Откровенно признаюсь вам, граф, – продолжала она, понизив голос, – не на то я надеялась! Такая красавица, как Леночка, могла бы составить себе более блестящую партию. Что ж делать, – заключила она со вздохом, – если поздно знакомишься с людьми и уж ничего нельзя поправить!..

Она вздохнула и завистливо посмотрела на Румянцева.

– Вы холосты, граф?

– Да.

– А невеста имеется на примете?

– Нет.

Старуха опять вздохнула.

Гости между тем пили и чокались с новобрачными; шафера надоедали своим приставанием выпить. Так как Румянцев отказывался много пить, то к нему приставали с особенною назойливостью, сначала соблюдая то уважение, какое внушал всем его графский титул, а затем постепенно переходя в более и более фамильярный тон.

– Ах, граф, ах, ваше сиятельство! Должно быть, не желаете вы добра молодым! Не хоти-

те выпить за их здоровье!

– Граф, позвольте за ублаговторение.

– Граф, за радость друзей Павла Осиповича! За красоту молодой княгини Елены Евграфовны!

– Граф, за продолжение потомства!

– Граф, пейте же! Мы, граф, так надеялись. Мы так ва-об-ра-жали, – шепелявя, заговорил над его ухом посаженный отец с пурпуровым носом и хотел потрепать его по плечу, но вдруг всею тяжестью навалился на Румянцева. Навалившись, он почувствовал потребность обнять графа и поцеловал его в затылок.

– Граф, восхитительный граф! Воображение!

Румянцев постарался освободиться из объятий и услышал, как мать новобрачной взвизгнула, потому что посаженный отец сжал ей рукою лицо.

– Я умру от блаженства!

К обузданию расходившегося сизого носа устремились шафера, и, пользуясь шумом, который начался на свадьбе, Петр Гаврилович кинулся в переднюю, выскочил на лестницу

и помчался вниз. Но бегство его тотчас же было замечено; какие-то пьяные молодые люди пустились за ним в погоню.

– Держи его, лови оголтелого! Граф, нешто так хорошо? Ваше сиятельство, вернитесь!

Но Петр Гаврилович решил быть неумолимым. Никакие просьбы не могли его отклонить от принятого решения. Пока он надевал пальто, гости Павла Осиповича опять заревели: «Горько!» Посажённый отец был выпровожен в швейцарскую. Он буйствовал, нос его зловеще горел.

III

Осенние дни, однообразные, как мысли скучающего человека, мелькали друг за другом, и на дворе стоял такой же точно день, как и тогда, когда Павел Осипович приготавлился к венцу и собирался идти в гости к Румянцеву. Мелкий дождь барабанил по стеклу в табачном магазине. Вдруг дверь зазвонила, и вошел Петр Гаврилович.

– Здравствуйте! – вяло произнес Перушкин. – Как ваше здоровье?

– Благодарствуйте. Ну, что, Павел Осипович, привыкли вы?.. Купаетесь в море бла-

женства?

– Торговля плоха.

– Будет лучше. Теперь во всем застой! Вам теперь до торговли ли?

Павел Осипович махнул рукой и унылыми глазами посмотрел на гостя.

– Как, вы скучаете?

– Я убит! – вскричал Перушкин и ударил себя в грудь. – Я, Петр Гаврилович, ничего не щадил для своего восторга! Я почитал так, что я – счастливейший из смертных! Но...

– Что же «но»? – помолчав, спросил Петр Гаврилович.

– Эх, Петр Гаврилович, всего в двух словах не расскажешь. А много слов – чересчур больно для сердца, которое заливается слезами.

– Не могу понять вас, Павел Осипович!

– Петр Гаврилович! Во-первых, примите в соображение, что у меня теща вполне ведьма-с, а, во-вторых, моя Леночка оказалась совсем не Леночкой.

– Странно! Загадочно, мой милый! Ком же?

– Она оказалась Еленой Евграфовной, во всем не Леночкой! – многозначительно проговорил Перушкин.

Дальнейшей беседе помешал приход Елены Евграфовны.

– Ах, очень приятно, – начала она. – В этом же доме изволите жить?

– Они в этом же доме живут, – строго сказал Перушкин. – Не скажешь ли ты чего по-французски?

Елена Евграфовна сделала сердитое лицо.

– Не успел жениться, а уж пристаешь с глупостями!

– Нет, скажи. Пусть они послушают! Им приятно будет послушать. Скажи!

– Вот обратите внимание, какой у меня тиран муж!

– То-то тиран! Мне, Петр Гаврилович, все равно, говорит ли она по-французски или нет. Но только зачем же было врать? Я сдуру всемо поверил, а между тем – обманут!

Петр Гаврилович почувствовал себя неловко: супруги окрысились друг на друга, и этот несчастный, никому не нужный в табачной лавочке французский язык мог повести к серьезному супружескому столкновению. Взглянув пристальней на Елену Евграфовну, он заметил на ее злом, бледном личике си-

няк, присыпанный пудрой. Очевидно, столкновения уже происходили. Петру Гавриловичу стали противны Перушкины, и он, взяв папиросы, поспешил уйти из магазина.

Самый отвратительный серенький день навис над Петербургом. Румянцев шел по мокрым тротуарам, встречал бесцветные фигуры озабоченных и скучающих петербуржцев и смотрел на тысячи лавочек, где продают табак, бумагу, детские игрушки, красный товар. Ему казалось, что в каждой из таких бесчисленных лавочек сидит Перушкин, который или хлопочет о том, чтобы устроить себе семейный очаг, по старине или «по моде девятнадцатого века», ила уже устроил себе очаг и теперь, разочарованный и обозленный, глупый и дикий, терзает свою тоже глупую, ничтожную жену, придираясь к пустякам. Презренная и жалкая жизнь! А между тем тысяча людей живут ею. Для чего они живут? Какая цель их низменного прозябания? «И зачем я сам живу?» – заключил свои думы Петр Гаврилович, с мучительной ясностью вдруг сознав всю пустоту своего существования.

Сноски

Румянцев Петр Александрович (1725–1790) – русский полководец, государственный деятель, граф. В русско-турецкую войну 1768–1774 гг. успешно командовал армией, получил чин генерала-фельдмаршала и почетное наименование Задунайский.

[^^^]

Это забавно (*фр.*).

[^^^]

Какие (фр.).

[^^^]